

Счет из Ашхабада

26 сентября отец отправился в Среднюю Азию, решил, как он сказал мне, познакомиться поподробнее. Там, по его представлению, он по существу не бывал, ездил по случаю в Ташкент, Алма-Ату, Голодную степь и еще кое-какие места и местечки. За менее чем десяток лет он успел объехать в Средней Азии столько, сколько за всю историю не удосужился до него ни один советский, я уже не говорю царский сановник. Но отцу этого казалось недостаточным, он считал, что еще не вник в местную специфику, не разобрался во всех деталях. Такой уж у него был характер.

Начал отец с Туркмении. 26 сентября вечером он прилетел в столицу республики Ашхабад. На следующий день провел совещание в местном ЦК и затем отправился в глупинку. 28 сентября он в Мары. Посещает совхозы на поливных землях, орошаемые водами Кара-Кумского канала. Его строительство начали еще перед войной, потом надолго заморозили и вот только недавно закончили третью очередь. «Аму-Дарья потечет в Каспий», – с восторгом сообщали газеты. И никто почему-то не задумался, что если она потечет в Каспий, то перестанет течь в Арал. Журналистам такое невежество простительно, а вот ученым и Госплану – нет. Тем более все так просто: что в одном месте прибудет, то в другом месте убавится. Эта нехитрая истина справедлива везде: и в экономике, и в водопользовании.

К сожалению, даже большие ученые в то время не сомневались в «неисчерпаемости» природы. Предупреждений редких инакомыслящих экологов не слышали, не слушали и слушать не желали, никто, в том числе и отец. Он видел, что вода оросила до того бесплодную землю, гордился, что на ней теперь растет хлопок, закладывают сады и виноградники, а откуда эта вода берется, сколько ее и надолго ли хватит, в голову как-то не приходило. Ни Лаврентьев, ни Капица, ни другие его ученые друзья и корреспонденты ему об этом не подсказали. И задумывались ли о том они сами?

29 сентября отец в промышленном Небит-Даге, осматривает нефтяные вышки и химические предприятия. 1 октября он в Ашхабаде делится своими впечатлениями с местным активом, по свежим следам диктует записку в Президиум ЦК.

В Ашхабаде произошла трагикомическая история. Недавнее, 1961 года, Постановление ЦК строго запрещало местным руководителям подносить начальству и друг другу цен-

ные подарки, устраивать за государственный счет банкеты. Нарушителям грозили всяческими карами, вплоть до исключения!.. Однако восточное гостеприимство немыслимо без подношений и пышных застолий.

Каждый выкручивался, как мог. Казахи и узбеки, с ними отец общался чаще других, переломили себя, приспособлялись к новым веяниям, и всякий раз дарили отцу традиционный халат. Их у него скопилось множество. И еще сухофрукты: кишмиш с курагой и жареные в золе орешки. А больше – ни-ни.

Однажды в Ташкенте чабаны подарили отцу барашка, вручили прямо в президиуме совещания. Отец попозировал фотографам с барашком на руках, сейчас эти кадры кинохроники очень популярны, а после заседания вернул его чабанам со словами: «Пусть он у вас пасется, тут ему привольнее, но помните, это мой барашек».

В Ашхабаде местные руководители впервые на своей земле столкнулись с отцом, и хотя они, конечно, читали постановление о подарках, через обычаи перешагнуть не смогли, преподнесли ему ахалтекинского жеребца и ковер местной работы с портретом Н. С. Хрущева. Отец за подарки поблагодарил и попросил оформить их в соответствии с законом: жеребца отправить на подмосковный конный завод, а ковер передать в какой-нибудь музей (он сейчас хранится в Историческом музее в Москве).

Туркмены не очень поняли, что означает «предусмотренное законом оформление»? Каким законом? Никакого такого закона тогда не существовало, как не существует и по сей день. Решили не рисковать, скакуна отправили на конный завод, благо адрес его известен, а ковер – в ЦК, пусть они сами с музеем разбираются. Счет за подарки оформили и тоже послали в Москву. Они не сомневались, до отца он не дойдет, его формально оплатит бухгалтерия ЦК, а потому приплюсовали туда и некоторые другие свои траты.

В начале января 1963 года заведующий Общим отделом Владимир Никифорович Малин положил на стол отцу полученный из Ашхабада счет. Как с ним поступить, он не знал. В бюджете ЦК соответствующих статей расходов не предусмотрено. Отец рассердился. 9 января 1963 года, на ближайшем заседании Президиума ЦК он рассказал о полученном из Туркмении послании. «Они (туркмены. – С. Х.) пишут в счете, что подарили мне тужурку, и тут же цену указывают. Я тужурку в глаза не видел, – с возмущением говорил отец. – Затем в счете стоит ковер с портретом Хрущева и его цена, конь и расходы на его транспортировку. Расходы на питание тоже указаны отдельной строкой, и в таких количествах, что за год не съешь и еще на сотню рублей медикаментов! Я же там и не думал болеть и никаких таблеток не принимал.

Обед с парламентской делегацией Индии тоже включили в мой счет, хотя я с индусами не обедал. Они их без меня угощали.

Все подписано Балыш Овезовым (секретарем ЦК Туркмении. – С. Х.), оформлено чин по чину. Такая скрупулезность мне нравится, но если вас на обед пригласят, везите еду с собой, дешевле обойдется. А то и вам потом, как мне, придется отрабатывать за несъеденное и невыпитое. Я теперь, куда приеду, предупрежу, что обедаю один и за отдельный счет».

Тут отец вспомнил, как представитель Ставки на Сталинградском фронте генерал Василевский жаловался ему в 1943 году, что местное интендантство списало на его счет несколько ящиков водки и коньяка, а он и не пьет вовсе. «А уже после войны Михаил Сергеевич Гречуха, глава украинского Верховного Совета, после поездки в Черновцы обнаружил в своей бухгалтерии счет за “выпитые им” три бочки пива, – продолжал отец. – Вот только он страдал язвой желудка, и не то что пива, но воду мог пить не всякую».

Шутки шутками, но отец испытывал удовлетворение, после выхода постановления даже в Средней Азии руководители остерегаются раздавать подарки за ничей, то есть за государственный счет.

1 октября 1962 года отец летит из Ашхабада в Душанбе, столицу Таджикистана, встречается там с химиками и энергетиками. Последние рассказывают ему о перспективах Пянджского каскада гидроэлектростанций. Зажатая в горной долине река Пяндж – идеальна для этих целей. Гидроэлектростанции не только дадут дешевую энергию, позволят организовать поблизости производство алюминия, развить химию, но их плотины накопят запасы воды для орошения всего Средне-Азиатского региона. Отец их поддерживает, отправляет соответствующую записку в Президиум ЦК.

В полдень 3 октября отец уже в Узбекистане, в Ташкенте, проводит вторую половину дня в Институте хлопководства. На следующее утро он осматривает оросительные системы в Голодной степи. Выращиваемый на вновь освоенных землях хлопок, столь необходимый текстильной и пороховой промышленности, позволит наконец отказаться от его импорта из Египта.

5 октября отец возвращается в Ташкент, днем выступает на совещании руководящих работников Узбекистана, Киргизии, Азербайджана и Армении, а вечером диктует записку в Президиум ЦК о будущем «освоении природных богатств республик Средней Азии».

6 октября он переезжает в город Алмалык, нарождающийся в Средней Азии центр цветной металлургии, оттуда назад в Ташкент на выставку сельхозтехники, производимой на местных заводах и для местных нужд.

После посещения выставки отец едет на авиазавод, который в начале войны был эвакуирован сюда из Воронежа. Теперь тут производили не только сельскохозяйственные бипланы Ан-2, но и антоновские военные транспортники.

Эта гонка со временем, бесконечные переезды, встречи, беседы, каждая из которых требовала от него принятия решения, если не сейчас, так в недалеком будущем, вконец изматывали отца. На все это накладывались бесконечные звонки из Москвы, там тоже шага не хотели ступить без его одобрения.

10 октября 1962 года, переполненный впечатлениями, отец возвращается в Москву, Средняя Азия не идет у него из головы. Он диктует записку за запиской: 15, 16 и 17 октября. Вообще, 1962 год урожайный на записки, отец направил в Президиум ЦК девять развернутых многостраничных посланий. В них он говорил о вещах принципиальных и о мелочах, замеченных во время объезда «владений своих». Позволю себе использовать этот не совсем политически корректный образ.

В записках он пишет о необходимости разворачивания нефтедобычи в море (тогда о буровых платформах только начинали говорить), о преимуществах электрического бура перед турбобуром, снова о птицефабриках, о новой машине для уборки фасоли, он недавно вычитал о ней в американском журнале, о доильных установках «карусель» взамен «елочки» и многих других «мелочах», в каждом конкретном случае очень важных «мелочах».

Беспокоят отца и вновь созданные сельхозуправления, как бы они не скатились на «райкомовские» рельсы понукания: «Следует умерить пыл администраторов, работающих в производственных управлениях, в обкомах и облисполкомах, не допускать, чтобы специалистами командовали. Надо с уважением относиться и поддерживать то, что открыто наукой и апробировано практикой. Необходимо при решении практических задач проявлять терпение, не допускать административного зуда. Надо прежде самим учиться, а не подменять научные учреждения и поучать других. Если мы будем поучать, командовать агротехникой с Луны, тогда нам не нужны ученые, достаточно администраторов. Но такой, с позволения сказать, “метод” руководства высмеян еще до нашего рождения знаменитым русским писателем Салтыковым-Щедриным».

И тут же отец возвращается к «проблеме» чистых паров, его недавнюю поддержку позиции Наливайко в споре с Бараевым особо ретивые начальники восприняли как руководство к действию и начали их искоренение. Отец начальников одергивает, рекомендует не

изводить чистые пары, где они полезны – пусть останутся, а чтобы начальников не занесло в противоположном направлении, добавляет: «но этого не следует узаконивать». Другими словами, в каждом хозяйстве надо решать проблему в зависимости от местных условий.

В другом месте отец предлагает не возить молоко в города, а перерабатывать его в колхозах. По тем временам – идеологическая крамола. Экономисты-традиционалисты не считали правильным укреплять «отживающую свой век» кооперативную форму собственности крестьянина-колхозника, так как будущее за собственностью общенародной, государственной. Но отца в первую очередь интересовала не идеология, а эффективность.

Отец предлагает поменять стратегию снабжения овощами больших городов. Поставлять, не как сейчас, из пригородных хозяйств, они не везде хорошо растут, а везти оттуда, где собирают высокие урожаи. Сейчас у нас появляются такие возможности, есть транспорт, начинают производить холодильники на колесах.

В одной из записок отец предлагает наладить выпуск счетных машин для совхозов и колхозов. Они им потребуются, чтобы сводить баланс и главное, считать прибыль. «Прибыль» – слово еще несколько лет тому назад о почти неприличное, мелькает все чаще.

Делится он и своим личным печальным опытом применения модных, только входящих в практику, еще не очень освоенных гербицидов. Их тогда считали панацеей от всех бед. Отец в то лето увлекся горохом, по мнению ученых, дающим, после кукурузы, лучший силос. Засеял им лужок на даче в Горках-9. На беду горох зарос сорняками. Отец решил побороть их новомодным симазиним. И поборол... вместе с горохом. На поле не осталось ни сорняков, ни посевов. Одни пожухлые желтые стебли. В расстройстве отец позвонил своему помощнику Шевченко. Приехав на дачу, Андрей Степанович посочувствовал отцу и объяснил, что все правильно. Симазин создан американцами для защиты кукурузы и других злаков, и только их, остальные растения, в том числе и горох, для него «сорняки», их гербицид уничтожает без остатка. Ожегшись на симазине, отец предупреждал всех остальных: «Проявите осторожность, первым делом прочитайте инструкцию».

Тут же он задается вопросом: «Что же дало повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, насколько выросли доходы и как используются эти средства?»

И уж совсем неожиданное: «Партийным и советским работникам надо проявлять сдержанность, не декларировать, не давать указаний, по какому рецепту лечить ту или иную болезнь, как это делают некоторые писатели, вступившие в спор с учеными-медиками, с медицинской наукой, – предостерегает отец. – Кроме вреда это ничего не принесет. «Речь идет о дискуссии в Литературной газете “О лечении рака”». Писатели выступили в поддержку знахарей, обещавших сотворить чудо. Традиционная медицина возмутилась, завязалась полемика медиков с литераторами.

Но главное, что занимало отца в тот год, – как дальше реформировать экономику. Иначе народное хозяйство с мертвой точки не сдвинуть.